

№ 2 (42) ВАЛДАЙСКИЕ ЗАПИСКИ

Январь, 2016

Валдай

Международный
Дискуссионный клуб

www.valdaiclub.com

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: СВЕТСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД ВЫЗОВОМ РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМА

А.А. Казанцев

Об авторе:

А.А. Казанцев

Доктор политических наук, директор Аналитического центра Института международных исследований МГИМО

В настоящее время страны постсоветской Центральной Азии столкнулись с проблемами, связанными с обострением старых вызовов безопасности и появлением принципиально новых. Эти угрозы могут повлиять на перспективы развития светской государственности в регионе и создают серьезную опасность для модернизационных процессов.

К старым вызовам безопасности можно отнести, прежде всего, *ситуацию в соседнем Афганистане, где продолжают усиливаться кризисные явления. Наиболее опасной угрозой в этом плане является наметившаяся в 2014-2015 гг. концентрация боевиков в Северном Афганистане (на границах Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана)*¹.

Как отмечается в документах СБ ООН, «в Афганистане, по оценкам афганских сил безопасности, в марте 2015 года насчитывалось около 6500 активно действующих иностранных боевиков-террористов»². Там находятся 200 боевиков только из «Исламского движения Узбекистана» (ИДУ - позднее переименовано в Исламское движение Туркестана, ИДТ).³ Если же брать в расчет и самих афганцев, то общее количество боевиков-террористов в Афганистане достигло, по оценкам российского Генерального штаба, 50 тыс. человек⁴. Угроза из Афганистана - это не только идеологическая альтернатива светской государственности в виде радикального ислама: она имеет и чисто военное измерение. В частности, возможно повторение событий, наподобие «Баткенской войны» (вторжение боевиков ИДУ в Кыргызстан в 1999 г.). Тогда число боевиков не превышало 200-250 человек, но борьба с ними - в силу слабости государственных структур Кыргызстана - потребовала применения механизмов Договора о коллективной безопасности СНГ.

С другой стороны, в 2014-м и особенно - в 2015 году, на ближневосточном направлении возник «второй фронт», который стремительно приобретает центрально-азиатское измерение. Этот фронт представлен новой угрозой в виде так называемого Исламского государства (*запрещено в России – прим. Ред*). ИГ представляет собой, во-первых, угрозу распространения религиозно мотивированного терроризма - в связи с серьезным потенциалом миграции боевиков. По ряду авторитетных оценок, из Узбекистана в Сирию и Ирак выехало 500 боевиков, из Туркменистана - 360, из Кыргызстана - 350, из Казахстана - 250, из Таджикистана - 190⁵. Вербовка, очевидно, была бы невозможна без наличия «спящих ячеек» ИГ внутри центральноазиатских государств и России. Часто выезд в Сирию и Ирак идет через территорию РФ, а вербовке подвергаются, в том числе, работающие в России трудовые мигранты. Во-вторых, ИГ представляет собой серьезный идеологический вызов всем государствам исламского мира, в том числе, центральноазиатским, поскольку ИГ как «халифат» претендует на власть во всем исламском мире.

В частности, Центральная Азия и Афганистан отнесены в рамках ИГ к «вилаяту Хорасан». При этом ИГ активно «просачивается» в Афганистан, используя раскол внутри Талибана после смерти его лидера муллы Омара и эффективно используя финансовые рычаги за счет притока средств с Ближнего Востока. В частности, по информации Аль-Джазиры, оплата боевиков талибана превышает «жалование» боевиков, вербуемых ИГ, в десять раз: 70 и 700 долларов в месяц⁶.

По оценке главы Генштаба России Валерия Герасимова, осенью 2015 года в Афганистане находилось 2-3 тысячи боевиков, непосредственно связанных с ИГ⁷. Особую тревогу для центральноазиатских стран представляет то обстоятельство, что о своем вступлении в состав ИГ объявило Исламское движение Узбекистана - исторически

наиболее опасное террористическое движение региона, прежде связанное с Аль-Каидой. Одновременно знамена ИГ подняли туркменские племена, проживающие на границе с Туркменистаном (многие из них являются потомками бывших басмачей, воевавших еще против советской власти). ИГ ведет активную подрывную работу и в «тылу» центральноазиатских стран. В частности, в сообщениях киргизских и таджикских экспертов фигурирует цифра в 70 млн. долларов США, выделенная ИГ на подрывную работу в этом регионе⁸.

Угрозы безопасности региону Центральной Азии со стороны радикального исламизма на афганском и ближневосточном направлении *усиливаются целым рядом негативных внутренних факторов, заставляющих отнести большинство стран региона к «хрупким» государствам (fragile states)*. «Хрупкость» создает потенциал крушения и образования «несостоявшихся государств» (failed states), не контролирующей собственную территорию. Именно такие государства являются идеальной питательной средой для укоренения радикальных террористических группировок, типа ИГ. В связи с этим ниже приведены экспертные оценки ситуации в странах Центральной Азии в The Fragile States Index, 2015.

Таблица 1. Страны Центральной Азии в Индекс «хрупкости государств» (The Fragile States Index, 2015)⁹

Страна	Узбекистан	Таджикистан	Кыргызстан	Туркменистан	Казахстан
Место в мире из 178 стран (более низкое место означает рост угрозы)	51/178	57 /178	62/178	78/178	110/178
Баллы (большее число баллов означает рост угрозы)	85.4	83.4	82.2	77.5	68.3
Категория	High Warning (Серьезное предупреждение об угрозах)	High Warning (Серьезное предупреждение об угрозах)	High Warning (Серьезное предупреждение об угрозах)	Warning (Предупреждение об угрозах)	Low Warning (Предупреждение о не очень серьезных угрозах)

Приведенные оценки показывают, во-первых, что, по мнению экспертов, серьезная угроза разрушения государственности в большинстве стран Центральной Азии существует (High Warning), хотя она пока и не материализовалась, как это уже произошло во многих странах Африки и Азии. Во-вторых, они свидетельствуют о серьезной дифференциации стран региона, в частности, об особом положении Казахстана.

Среди факторов, способствующих «хрупкости государств» региона, можно обозначить, во-первых, *большие объемы наркоторговли по северному маршруту транс-*

портировки из Афганистана в Россию. Последняя является основным в мире потребителем афганского героина. При этом экспертам по безопасности хорошо известно, что доходы от наркоторговли часто используются для финансирования терроризма и религиозного экстремизма¹⁰. Наличие этой «связки» известно, например, по упомянутой выше «Баткенской войне», так как вторжение ИДУ в Кыргызстан было связано, в том числе, с прокладкой маршрутов для торговли героином.

Вторым важным фактором, способствующим «хрупкости государств» и росту угрозы со стороны радикального исламизма, является *очень высокая коррупция в регионе*. Согласно рейтингу восприятия коррупции международной неправительственной организации Transparency International, все страны региона расположены в самом конце списка, зачастую уступая даже государствам Африки южнее Сахары. Особенно негативно представляется восприятие международными экспертами Туркменистана и Узбекистана, как одних из самых коррумпированных государств мира (делят 170 место из 174).

Таблица 2. Центральноазиатские государства в Индексе восприятия коррупции¹¹

Страна	Индекс восприятия коррупции		
	2012	2013	2014
Казахстан	133/174	140/177	126/175
Кыргызстан	154/174	150/177	136/175
Таджикистан	157/174	154/177	152/175
Туркменистан	170/174	168/177	169/175
Узбекистан	170/174	168/177	166/175

Коррупция, во-первых, тесно связана с организованной преступностью. Особенно с наркоторговлей, из которой могут финансироваться, как мы отмечали, террористические группировки. Во-вторых, она резко снижает эффективность деятельности государственных институтов, в том числе, и в борьбе с угрозой со стороны радикального ислама. В-третьих, высокая коррупция и связанное с ней социальное неравенство являются одним из главных пропагандистских аргументов против существующих светских режимов, используемых радикальными исламистами, в том числе, и ИГ, в регионе.

Третьим по значимости фактором «хрупкости» государств региона является *бедность*. Страны региона (особенно, части Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана, расположенные в Ферганской долине) характеризуются очень высокой степенью аграрного перенаселения при дефиците воды и плодородной земли. Это ведет к безра-

ботице и скоплению большого количества маргинализированной молодежи, которая очень легко поддается «обработке» со стороны радикальных исламистов. Проблема еще больше усиливается в связи с деградацией созданных в советское время систем социального обеспечения, образования и медицины. Трудовая миграция в Россию (дававшая до недавнего времени до 50% ВВП Таджикистана, 33 % ВВП Кыргызстана и 15% ВВП Узбекистана) была одним из важных клапанов, предотвращавших социальный взрыв. Однако девальвация рубля в 2014-2015 гг., а также сокращение спроса на рабочую силу в РФ привели к резкому истощению этого источника доходов населения. Что, в свою очередь, привело к серьезному обострению ситуации, особенно, в Таджикистане.

Рост бедности наблюдается на фоне тенденции к социально-экономической «демодернизации». Например, в Таджикистане к 2010 г. из-за гражданской войны и экономических трудностей доля городских жителей сократилась до 26% от общей численности населения¹², что сопоставимо с самыми отсталыми странами мира. Проявлениями «демодернизации» можно также считать отъезд высококвалифицированных специалистов и интеллигенции (как русскоязычной, так и национальной), распад созданной в советское время технической и социальной инфраструктуры даже в таких относительно богатых природными ресурсами странах, как Туркменистан.

Четвертым кризисным фактором, угрожающим государственности стран региона, является проблема наличия так называемых персонализированных режимов султанистского типа¹³, существующих на фоне клановых систем, определяющих внутриэлитные сетевые конфигурации¹⁴. Две ключевые страны региона – Узбекистан и Казахстан – не прошли в постсоветское время ни одного цикла смены верховной власти. В обеих странах существующие политические институты тесно и непосредственно связаны с неординарной личностью их президентов. В то же время, *в силу чисто возрастного фактора, уже в ближайшей перспективе встает вопрос о смене верховной власти, что может привести к обострению межклановых конфликтов внутри элиты и дальнейшей дестабилизации ситуации.*

Ко всему вышеперечисленному можно, в-пятых, добавить *наличие серьезных межгосударственных конфликтов* из-за водных ресурсов между вышележащими (Таджикистан, Кыргызстан) и нижележащими (Узбекистан, в меньшей степени Туркменистан и Казахстан) по течению рек странами. Эти конфликты серьезно затрудняют сотрудничество стран региона, в том числе и в борьбе с угрозами безопасности.

Одновременно – и это в-шестых, влиятельные великие державы (Россия, США, Китай, ЕС, исламские страны) вовлечены в «Новую Большую игру»¹⁵ за влияние в регионе.

Конфликты между их интересами могут в худшем случае -усиливать угрозы безопасности, а в лучшем – нейтрализуют их усилия по помощи странам региона в преодолении различных вызовов.

Перечисленные выше внешние угрозы из Афганистана и Ближнего Востока, связанные с радикальным исламом, а также резко усиливающие их внутренние проблемы ряда стран региона с очевидностью свидетельствуют о том, что *установившаяся в постсоветский период в Центральной Азии модель светской государственности переживает определенный кризис.* Перспективы преодоления этого кризиса различны в разных странах региона и во многом определяются сложившимися особенностями взаимодействия государственных структур и исламской религии.

Ислам стал распространяться на территории Центральной Азии с VII века н.э.

в результате арабского завоевания. Процесс исламизации длился несколько столетий, и он не был закончен даже перед установлением Советской власти. При этом просматривалось достаточно четкое различие между сильно исламизированными оседлыми народами (узбеками, таджиками) и слабо исламизированными кочевыми народами (казахами, киргизами, туркменами). Это деление актуально до сих пор, так как проблема религиозного экстремизма наиболее остро стоит в странах оседлой традиции, а также в регионах компактного проживания оседлого населения в странах кочевой традиции (Южный Казахстан, Южный Кыргызстан).

После получения независимости государства региона в лице правящих элит активно поддерживали политически приемлемые для них формы мусульманской религии, пытаясь таким образом создать национальные формы ислама, легитимирующие существующие политические системы светских государств.

Наиболее тревожная ситуация в плане потенциала распространения нестабильности и влияния радикального ислама сложилась в настоящее время в Таджикистане. Здесь, среди специфических негативных факторов, следует отметить соседство с Афганистаном, особенно сложную социально-экономическую ситуацию, а также до сих пор сказывающиеся разрушительные последствия гражданской войны первой половины 1990-х гг.

Одновременно наблюдается ускорение радикализации в обществе, в частности, затронувшее и правоохранительные органы. Наиболее вопиющим в этом плане фактом в 2015 году было дезертирство и уход в «Исламское государство» полковника ОМОН Гулмурода Халимова. Осенью 2015 года имел место военный мятеж, который возглавил заместитель министра обороны генерал-майор Абдухалим Назарзода. Этот мятеж официальные власти также связали с влиянием радикального ислама. Достаточно слабым представляется территориальный контроль центрального правительства над некоторыми регионами Таджикистана, в частности, Горным Бадахшаном. Охрана таджико-афганской границы после ухода российских пограничников также достаточно слаба, что опасно с учетом ускоренной дестабилизации обстановки в приграничных регионах Афганистана.

Определенную опасность в плане распространения радикального ислама представляют и «перегибы» в борьбе с исламизмом. К ним можно отнести массовое закрытие мечетей, введение жесткого дресс-кода, противоречащего исламским традициям и запрет умеренной Партии Исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ). Перечисленные меры могут привести к усилению радикального исламистского подполья.

Кыргызстан также подвергается серьезным угрозам. К числу специфических для данной страны рисков можно отнести геополитический раскол страны на север и юг. Государственные структуры Кыргызстана, как показала, в частности, упоминавшаяся выше «Баткенская война», отличаются традиционной слабостью, которая еще больше усилилась после имевших место двух революций (2005 и 2010 г.). Наибольшие риски радикального исламизма имеются на юге страны, особенно, среди многочисленной узбекской диаспоры. Ситуация здесь к тому же усложняется острым межэтническим конфликтом между киргизами и узбеками, который привел к погромам в 2010 году.

Ситуация в Туркменистане традиционно считалась одной из самых стабильных в регионе (это демонстрируют и приведенные выше рейтинги государственности). Тем не менее, в 2014-2015 годах имеет место серьезное ухудшение обстановки, связанное с тяжелой ситуацией на туркменско-афганской границе, куда проникло «Исламское государство». Нейтральный статус Туркменистана начинает демонстрировать свои

негативные стороны. У страны нет сильной армии для защиты границы, а обращение за военной помощью, в частности, к России, противоречит концепции нейтралитета. Ситуация внутри страны тоже неблагоприятна. Согласно приведенным выше данным по числу боевиков в Сирии и Ираке (если пересчитать их по относительному показателю - число боевиков-террористов на 1 млн. жителей), Туркменистан занимает 1 место на постсоветском пространстве.

Ситуация в Узбекистане в плане противостояния государства и экстремистских направлений ислама характеризуется существенными противоречиями. С одной стороны, Узбекистан является местом происхождения сильнейших в регионе экстремистских группировок. В 1999 году в Ташкенте имели место массовые теракты, организованные ИДУ. В мае 2005 года в Андижане (Ферганская долина) имело место восстание, организованное радикальной исламистской организацией «Акрамия» (Акримийлар). С другой стороны, мощные силовые структуры и общая репрессивная политика государства привели к тому, что деятельность религиозных экстремистов в стране находится под определенным контролем.

В настоящее время на фоне обостряющегося социально-экономического кризиса наблюдается рост исламистской пропаганды и террористической активности в стране. Узбекистан занимает на постсоветском пространстве второе место после России по числу боевиков, уехавших воевать в Сирию и Ирак. Сложность проблемы роста религиозного экстремизма в Узбекистане связана, в том числе, и с клановой политикой. В Узбекистане существует традиционное «разделение труда» между региональными кланами, которое характеризуется пословицей: «самаркандец правит, ташкентец считает деньги, ферганец молится». Эта пословица подчеркивает особую роль ислама именно в Ферганской долине, а также факт того, что ключевые духовные лица в Узбекистане традиционно происходят из Ферганской долины.

В ходе постсоветской эволюции к власти пришли самаркандский (к нему относится сам президент) и ташкентский (он контролирует экономику) кланы. Ферганский клан, по мнению многих экспертов, традиционно использовал угрозу исламского экстремизма как способ повышения собственного влияния. Описанные в общих чертах внутриклановые расклады очень важны в свете того, что до сих пор не решенная проблема «наследования власти» может вызвать резкое обострение межклановой борьбы.

Казахстан является наиболее благополучной страной региона с точки зрения проблемы распространения религиозного радикализма. Это объясняется следующими специфическими факторами: стабильным состоянием экономики (порядка двух третей ВВП стран Центральной Азии производится в Казахстане), достаточно высокой степенью модернизации общества в советский период, наличием большой прослойки русскоязычного населения, а также историческими традициями распространения ислама среди казахов.

Критически важной с точки зрения распространения радикального ислама является ситуация в двух регионах. В Южном Казахстане, относящемся к «оседлой зоне», влияние исламских институтов в жизни общества традиционно было сильно. Процессы возрождения ислама в этом регионе стали сопровождаться и появлением радикальных его форм. Не менее сложная ситуация в последние годы складывается в Западном Казахстане. Интенсивное промышленное освоение нефтегазовых запасов региона привело к тому, что он стал местом концентрации социально маргинализированных групп, особенно мигрантов (среди них заметны оралманы – этнические казахи, возвращающихся в Казахстан, зачастую, из довольно отсталых стран). О слож-

ной ситуации в регионе свидетельствуют волнения в Жанаозене в 2011 году (важно отметить, что они не имели исламистской компоненты). В этой сложной среде есть потенциал для роста влияния радикальных исламистских группировок.

Проведенный выше анализ показывает, что угрозы светской государственности в Центральной Азии достаточно велики. Однако странам региона есть, что этому противопоставить.

Исторически Центральная Азия как часть мусульманского мира характеризовалась развитой исламской наукой (Аль-Хорезми, Аль-Фараби, Бируни и др.), а также высокой суфийской традицией, в том числе, мистической поэзией (Аттар, Джами, Машраб и др.). Именно эти культурные традиции национального ислама являются одной из основных мишеней исламских радикалов, отрицающих национальные формы мусульманской религии и культуры. В свою очередь, центральноазиатские суфии (прежде всего, великий узбекский учитель советского времени М. Хиндустани) активно боролись с распространением радикального исламизма (салафизма, ваххабизма). Стоит в этой связи отметить, что в древних цивилизационных центрах Центральной Азии, таких как Самарканд и Бухара, в силу высокой традиционной культуры населения, распространение религиозного экстремизма существенно меньше. Нельзя недооценивать и потенциал традиционной для центральноазиатских народов ханафитской правовой школы. Это – одна из четырех ортодоксальных правовых школ суннизма, в то время как радикальный исламизм (салафизм) связан с принятой в Саудовской Аравии в радикальной ваххабитской трактовке ханбалитской школой. Развитие традиционного ислама и закрепление ханафитской правовой школы как официально признанной (что, в частности, имело место в Таджикистане) – это один из ресурсов борьбы с радикализмом в рамках «исламского пути развития».

Необходимо также подчеркнуть, что у стран Центральной Азии есть позитивный исторический опыт успешной модернизации исламской идеологии, который вполне может быть заимствован в современных условиях. Во второй половине XIX-начале XX века в Центральной Азии, как и в Европейской части России, получило распространение либерально-реформаторское течение в исламе – джадидизм (младобухарство, младохивизм, и т.п.). Данные регионы исламского мира тогда были в числе передовых в плане распространения соответствующих идей. Это задает культурные традиции развития уже по чисто светскому пути, что особенно характерно для более развитых стран региона, типа Казахстана.

Способствует сохранению светской государственности и советское модернизационное наследие, кардинально изменившее очень многое в Центральной Азии. Многие заданные в советское время неисламские стереотипы повседневной жизни (например, высокая степень грамотности и светской образованности населения в связи с наличием системы всеобщего школьного образования, потребление алкоголя и отсутствие активного посещения мечетей) до сих пор существенно отличают существенную часть жителей региона от других частей исламского мира.

В постсоветский период эффективность реформ, направленных на построение институтов модерна, была различной в разных странах региона. В плане развития современной рыночной экономики и привлечения инвестиций наибольших успехов достиг Казахстан. Эффективная рыночная экономика является одним из важнейших препятствий для возврата к архаичным исламским институтам, к чему призывают радикалы. Неслучайно в этой связи руководство Казахстана ответило в 2014-2015 годах на общий рост нестабильности резкой интенсификацией институциональных

экономических реформ. Именно Казахстан, прежде всего, в силу относительного (в региональных масштабах) социально-экономического благополучия, является своеобразным «бастионом стабильности», обеспечивающим безопасность южных границ России, западных границ Китая и далее - безопасность восточных границ ЕС.

Важным ресурсом в борьбе с радикальным исламизмом в Центральной Азии является помощь великих держав. В этом плане можно особо отметить Россию, имеющую ключевые позиции в сфере обеспечения региональной безопасности. Поддерживаемая Москвой Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ) – главная защита Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана от возможных вторжений с территории Афганистана, а также от потенциальной экспансии ИГ.

Россия жизненно заинтересована в борьбе с исламским радикализмом в Центральной Азии. Его дальнейшее распространение и даже возможная победа связаны с потенциалом роста целого ряда трансграничных угроз (терроризм, наркоторговля, интенсификация неконтролируемых миграционных потоков, и т.п.). В свете проблем миграции ситуация с безопасностью в целом ряде российских мегаполисов (прежде всего, в Москве) в существенной степени зависит от того, удастся ли России и всему международному сообществу оказать эффективную помощь центральноазиатским государствам в борьбе с растущей угрозой радикального исламизма.

¹ Боевики «Исламского государства» нацелены на Центральную Азию и Россию. Об этом предупреждают российские военные и спецслужбы, <http://www.kommersant.ru/doc/2827486>

² Письмо Председателя Комитета Совета Безопасности, учрежденного резолюциями 1267 (1999) и 1989 (2011) по организации «Аль-Каида» и связанным с ней лицам и организациям, от 19 Мая 2015 года на имя Председателя Совета Безопасности. S/2015/358. С.9 http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2015/358&referer=/english/&Lang=R

³ Письмо Председателя Комитета Совета Безопасности, учрежденного резолюциями 1267 (1999) и 1989 (2011) по организации «Аль-Каида» и связанным с ней лицам и организациям, от 19 Мая 2015 года на имя Председателя Совета Безопасности. S/2015/358. С.9

⁴ Боевики «Исламского государства» нацелены на Центральную Азию и Россию. Об этом предупреждают российские военные и спецслужбы <http://www.kommersant.ru/doc/2827486>

⁵ <http://icsr.info/2015/01/foreign-fighter-total-syriairaq-now-exceeds-20000-surpasses-afghanistan-conflict-1980s/> (дата публикации: 26.01.2015); Lister Ch., *Returning Foreign Fighters: Criminalization or Integration?* Brookings Institution, 13.08.2015, <http://www.brookings.edu/~media/research/files/papers/2015/08/13-foreign-fighters-lister/en-fighters-web.pdf>.

⁶ <http://www.aljazeera.com/programmes/specialseries/2015/11/islamic-state-isil-taliban-afghanistan-151101074041755.html>

⁷ Боевики «Исламского государства» нацелены на Центральную Азию и Россию. Об этом предупреждают российские военные и спецслужбы, <http://www.kommersant.ru/doc/2827486>

⁸ В Таджикистане заявили, что ИГ выделило \$70 млн на создание своих ячеек в Афганистане, <http://www.rosbalt.ru/exussr/2015/10/06/1448092.html>; А. Князев: ИГИЛ выделяет на Центральную Азию 70 миллионов долларов. Какова доля Казахстана? <http://www.youtube.com/watch?v=uxZSifWe8Do>.

⁹ <http://fsi.fundforpeace.org/rankings-2015>

¹⁰ US Drug Enforcement Administration DEA Congressional Testimony – “Narco-Terrorism: International Drug Trafficking and Terrorism – a Dangerous Mix”, <http://www.justice.gov/dea/pubs/cngrtest/ct052003.html>, Accessed August 9, 2012.

¹¹ <https://www.transparency.org/research/cpi/overview>

¹² https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/wfbExt/region_cas.html

¹³ *Sultanistic Regimes* / Ed. by H.E. Chehabi, J.J. Linz. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1998.

¹⁴ Collins K. *Clan Politics and Regime Transition in Central Asia*. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2006.

¹⁵ Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: Мировая политика и Центральная Азия. М.: Наследие Евразии, 2008.

#Valdaiclub

Valdai Club

Valdai International
Discussion Club

www.valdaiclub.com

valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ